

Глава 94.

Сидя в спокойном состоянии, Энергия Небес воздействует на меня, проникая в мое ядро, мое тело чувствует себя легким и жизнерадостным, словно подвешенным в небытии, простое тепло вокруг меня, постоянно движущееся, но никогда не ощущаемое. В устойчивом ритме, каждую секунду, или минуту, или час, я не могу сказать, волна терпит крах против меня, но она ничего не делает, чтобы вытряхнуть меня из устойчивого состояния, просто разбив меня. Каждый раз, когда энергия обрушивается на меня, волна толкает мое тело и пробивает его в мое ядро, мой ум пуст и без мыслей, ясный как поверхность зеркала.

Это чертовское дерьмо.

Вывавшись из моего медитативного состояния, мои брови сгущаются в концентрации, я читаю свои мысли. После долгих минут безумных поисков я, наконец, издал расстроенный стон, прижимая мою голову к рукам, чтобы заглушить его. Моя голова падает на ствол дерева, оставляя меня с болью.

Правильно. Я решил сегодня сесть поближе к дереву. Черт.

Плачу о моей судьбе, как о вечном аутсайдере, я проклинаю все, что я делал. Я лежу в тенистой траве, вдали летит стая птиц, звуки журчащей реки заставляет меня думать о том, как я мог бы просто спуститься и плыть по воде, позволяя всем моим неприятностям смыться.

Этот мир просто переполнен животными, все они ужасающе сильные, я очень устал иметь с ними дело. Я просто хочу иметь оружие, которым я могу указать и убить. Банг-бэн, ты мертв.

Почему ничего не бывает легко?

Чем больше я тренируюсь, тем больше понимаю, насколько я слаб. Я чувствовал себя довольно хорошо и был неплохого мнения о себе, когда убил много врагов и особенно Урсагона. Я думал, что нахожусь на пути, чтобы достигнуть вершины, быть приближенным к великим войнам, считал себя восходящей звездой моего поколения, полагая, что Мила была всего лишь статистическим выбросом. Даже если бы я был не самым лучшим, я думал, что смогу попасть в пятерку лучших или что-то в этом роде, но нет, Аканьай согласилась со своим мистическим фетишем, поднимая планку: вершина больше не выдается, остается только мечтать. Гребаная сила.

Она сказала мне, чтобы я пробудился, получил Божественное Благословение, то есть у меня была минимальная квалификация для манипулирования. Мои прежние мечты взлетели на передний план моего разума.

Жизнь, однако, является огромной сукой, и мои ожидания оправдываются только тем, чтобы я снова упал в яму отчаяния, и, похоже, я был исключением из этого а, полностью запутав Аканьай после ее тяжелой работы. Должно быть инстинктивное знание того, как использовать мою энергию для манипулирования моим элементом, но у меня ничего нет, пустое пространство в моей голове, даже намек на то, что я что-то знаю. Казалось, все знания просто исчезли из моей головы, уничтожив все следы существования. Все ее советы состояли в том, чтобы «размышлять над этим», с небольшим количеством дальнейших действий, но это не ее вина. Казалось, я однозначно некомпетентен.

Ура, я уникален!

Через пять дней у меня нулевой прогресс в своих пробужденных воспоминаниях, хотя моя рука

выросла еще на десять сантиметров, так что по крайней мере это уже неплохо, но не хорошо. Я не понимаю это сам, и Токте трудно понять это тоже, мы оба расстроены.

Делая большой вздох, я представляю, как мой гнев исходит из моей груди, уносится по ветру, но это детская мысль, зная, что мои страхи и разочарования все еще присутствуют во мне. Закрыв глаза, я снова сосредоточился, на этот раз отступая от своего ментального плана, чтобы проверить мою другую проблему. Я провожу слишком много времени в своей голове.

Поднявшись к знакомой усадьбе, я вошел внутрь, вошел в открытые двойные двери в открытый двор и увидел красивый пруд, тихонько журчащий, а слива в полном расцвете, красивый пурпурно-розовый оттенок, окруженный зеленью. Я должен был сохранить это место для себя и попросить Другого дать ему белую просторную комнату, заполненную только диваном и единственным окном, выходящим только на яркий свет. Опять же, он проводит здесь все свое время, так что, возможно, это более справедливо.

Пройдя к своей комнате, я открываю ее, чтобы найти Другого, лежащего в постели, точно так же, как я оставил его, инертным и невосприимчивым. Я мог бы просто прыгнуть прямо сюда, но мысль позволяет мне представить, что он встанет и станет мобильным, как будто ничего не случилось. Я пытаюсь разбудить его, сначала щелкая близко по ушам, переходя к громким звукам, а потом, наконец, слегка потрясываю его. Глядя на него, я еще раз отмечаю разницу между нами. Это главным образом глаза и в челюсть, он всегда стискивает зубами, глаза напряжены, больше внимания и тревожного взгляда даже когда он лежит.

Он был таким с тех пор, как я одернул его во время моего разговора с Милой, я чувствую себя полным дерьмом. Я даже не заметил, что он хотел тренироваться вместе, слишком занимался своими проблемами, чтобы думать о нем, пока мне не понадобится что-то от него. Я испробовал все, что мог, чтобы разбудить его, богоподобные умственные способности и все такое, но ничего не получалось, все зря, несмотря на все мои усилия.

Я думал, что если бы избавился от него, я был бы в восторге, но я слишком привык к тому, что он был рядом, последние несколько дней казались скучными без него. Приятно иметь кого-то, кому можно пожаловаться.

Произнеся короткую молитву, я покидаю свой ментальный отсек и возвращаюсь к реальности, просыпаясь под лучи утреннего солнца. Сегодня один из моих дней отдыха. Протянув руку к свету, на моем большом пальце мерцает эбеновое кольцо, постоянное крепление, когда я обрел его. Возможно, это не так глупо, как я думал, учитывая, что это может быть причиной моего «Пробуждения», но это также может быть причиной моей неудачи. Возможно, это в чем-то ошибочно, я имею в виду, каковы шансы делать безупречное кольцо каждый раз? Должно быть что-то не так, и было бы здорово, если бы это был не я.

Усталый от беспокойства о всех моих проблемах, я возвращаюсь в лагерь легкой прогулкой, мое тело чувствует себя жестким, как будто я теряю сознание без достаточной практики. Я чувствую, что в будущем мне следует избегать потери частей тела. Регенерация - это круто и все, но это то, о чем я лучше буду читать, вместо того, чтобы испытывать на себе. Это не приносит радости.

Я начинаю обходить окрестности, пока не готов вернуться. После короткой прогулки я слышу приветствие. «Маленький герой!» Вздвигнув от прозвища, я оборачиваюсь и приветствую Булата, он садится на землю, играя в кости с другими солдатами. Яростно усмехаясь, он машет мне рукой, мне нечего делать, я присоединяюсь к нему. «Не хочешь ли сыграть в кости с своими калеками? Равиль, налейте маленькому герою выпить, да?». Молодой, темнокожий солдат

наливает мне спирт в миску, наполняя ее по ободу, не выливая ни капли. Впечатляет, учитывая, что он носит повязку на оба глаза, солдаты восхищаются его способностью, он садится сидящим поклоном.

Принимая предложенный напиток, я подношу чашу глубоко выпиваю, опуская свою пустую миску на плоскую голову Булата, я рыщу монеты в кармане, вызывая очередную порцию веселого смеха. – «Так в чем игра?».

«Большой- маленький, с нашим ковриком для других ставок. Рустрэм - дом, цены стандартные. Длинноволосый человек машет рукой. «Если ты не знаешь, тогда тебе просто нужно будет довериться старому Булату». Одноногий солдат шагает, оставаясь еще достаточно долго, чтобы я мог достать свою миску, представив остальных четырех солдат вокруг нас. Все они с травмами, которые приведут к их увольнению из армии.

«Нет проблем, я вижу, что ты честный человек, и, кроме того, ты не стал бы обманывать калек». После смеха, мы начинаем играть. Случайно ставлю ставку на пронумерованный график, мое внимание полностью сосредоточено на звуке костей, грохочущих в чаше, так как я с нетерпением жду появления, оставив все мои мирские проблемы. «Эй, почему ты называешь себя старым, ты как все».

«Достаточно старый по сравнению с тобой, маленький герой».

Остаток утра я пью и играю в кости, выигрываю и проигрываю, смеюсь вместе с солдатами, мы тянем время, забывая обо всех наших проблемах. По мере того, как приближается время обеда, мы прекращаем и направляемся к кулинарным пожарам для нашего полуденного обеда, большинству из нас хорошо и пьяно от фруктового вина. Остальные солдаты, здоровые, все они избегают нашей маленькой группы, не желая смотреть слишком близко на то, что вполне может быть их собственным будущим, ярким напоминанием о собственной смертности. Булат и другие принимают это с трудом, игнорируя поспешные побеги и грязные взгляды, их настроение не меняется, все мы выстраиваемся на обед.

Булат и Равиль опережают меня. Подходит их очередь, повар скидывает верхушку кастрюли с помощью ковша, раскалывая один совок бульона в обе миски. Булат начинает ковылять, казалось бы, привыкший к дерьмовому лечению, призывая Равиля следовать за ним, чтобы выпить суп, но мое негодование медленно поднимается, когда я останавливаю обоих. Это плохое лечение, они были ранены при исполнении служебных обязанностей.

Оттаскивая слепого Равиля назад, я опустошаю обе чаши в кастрюлю, смотрю на повара, на рыжеватого, коротко стриженного мужчину, который возвышается над мной. «Возьми этот ковш, бери глубоко в этом горшке и принеси должное служение этим двум». Черт, Аканбай так не говорит, я должен был держать его короче, типа «попробуй еще раз» или «сделай это правильно». Может быть, мне нужны шрамы на лице, я выгляжу правильно запугивающим. О.. или татуировка. Да.

«Пайки предназначены для бойцов полупинты. Этого недостаточно для всех». Повар смотрит на меня. «Здесь нет никаких последователей лагеря, каждый человек - солдат, и у меня нет звания или авторитета». Снова сгребая вершину, он наполовину заполняет мою миску, не делая никаких шагов, чтобы заполнить чаши Булата и Равиля. «Половина порции за полпинты, так как вам не нужна еда?». Его лицо дергается, он смеется, его насмешники присоединяются, моя ярость разрастается.

Игнорируя их издевательства, я продолжаю без единого слова глядеть, опустошая свою миску

в горшок и снова держа ее в руках. Этот толстый ублюдок, если бы у меня были обе руки, я бы сбросил с его лица тупую усмешку и засунул этот ковш ему в задницу. Издевательский рацион для раненых, только потому, что мы не можем сражаться?

«Подойди, маленький герой, подойди. Это просто путь, ничего плохого ». Булат говорит тихо, пытаюсь оттолкнуть меня, но я остаюсь прикованным. Остальные начинают толпиться вокруг меня, пытаюсь отвлечь меня, смех стихает, настроение нарастает вокруг нас, небо темнеет, как будто оно ощущает мое настроение, облака врываются, чтобы задать тон. Жирное лицо начинает краснеть, его узкие глаза закрыты, глядя на меня, но я смотрю вниз. Наблюдая за потом на лбу, он медленно опускается, пробегая по лбу и щеке, цепляясь за челюсть, затем спускается в горшок.

Черт возьми, я приведу их на свадьбу Стража. «Это не стоит того, еда портится от пота этой свиньи в любом случае. Потрёпанный ублюдок, наверное, причина того, что мы в первую очередь недоедали еду. Не прилагая никаких усилий, чтобы понизить голос, калеки и я уезжаем вместе, никто из нас не получает еды. «Чья это идея, так или иначе поместить толстяка? Вероятно, ему больше некуда было идти, ковшик и горшок-крышка его оружие».

Из-за спины раздался рев, я повернулся, чтобы посмотреть, как толстый повар топает ко мне, отбрасывает фартук и трет костяшки пальцев. «Чёрт побери, я тебя разорву и приготовлю живьем. Иди поприветствовать своего деда, Маоту и узнать свое место ».

Призывая других отступить и оставить миску в руках Равиля, мое лицо вспыхивает улыбкой, я ступаю к Маоте. Шевеля мою шею, жаждущую упражнений, я подхожу к кухарке, толпа собирается вокруг нас, скандируя и приветствуя увидеть бой.

Снова ревуший, он обвивает меня с распростертыми руками, надеясь схватить меня в подчинение, идиотский подход. Мой ум сосредотачивается, его подход замедляется до ползания, как будто он двигался через патоку. Один шаг приводит меня к нему, мой локоть водится в его кишечник. Воздух удаляется из его легких при ударе, его голова качается вперед. Моя ладонь поднимается вверх, откидывая голову назад в арку. Его ноги поднимаются с земли, невесомые на долю секунды, прежде чем он упадет.

Молчание завершено, сломано только болезненным вздохом Маоты, он не успел даже правильно отыгаться. Вызвав Булата и остальных, мы идем к горшку, наши чаши протягиваются новому солдату, держащему ковш. После непродолжительного колебания ковш окунается глубоко в горшок и наполняет каждую миску сердечной порцией, кривая улыбка на лице солдата, когда он наливает каждую меру.

После короткой прогулки наша группа калеки есть в тишине, настроение подавлено конфликтом, суровая правда слишком тяжела. Чувствуя себя разгневанным и более чем немного виноватым, я ем механически, едва пробуя пищу, за которую боролся. Эти люди смирились с их ограниченными возможностями, просто признав, что их такая жизнь наступила и проигнорирована, но до их увольнения они могли хотя бы притвориться, что они все еще солдаты. Эта иллюзия была просто разрушена мною, напряжение между ними и здоровыми солдатами теперь ясно, как линия, нарисованная в песке. Мы могли бы в конечном итоге бороться за каждое блюдо, и это просто может приносить дополнительные неприятности.

Моя еда закончилась, я сижу в тишине, размышляя о своем гневе, пока не смогу больше молчать, слова произносятся, несмотря на мое лучшее суждение. «Что со всеми вами, где ваша гребаная гордость, вы теряетесь, вы просто позволяете всем ходить по вам?» Именно так, это чертовское дерьмо».

«Брось, мальчик. Ты мне нравишься, не переходи черту». Тон Булата уже не дружелюбен, глаза опущены и отказываются смотреть на меня.

«Объясни мне это, потому что я не понимаю, черт возьми. Вы живете, смеетесь и пьете, и все же вы ведете себя так, будто ваша жизнь закончилась, вы уволены из армии. Армия - это еще не все, в жизни больше жизни, чем в солдатах ».

«Легко тебе надеяться!» Слова вылетают, ярость на его лице становится глубже, он кричит. «У всех нас есть глаза, твоя рука растет с каждым днем, лечение искусного целителя. Маленького героя стоит лечить, но старого Булата и его друзей?». Он тяжело стучит в грудь, пытаясь от гордости. «Мы тренировались, мы сражались, мы служили и приносили себя в жертву, и ради чего? Быть судимым и отвергнутым-ничто. Какая может быть гордость за то, что ты калека, неспособный работать, ты только обуза для окружающих, просишь со стола генерала и молишься, чтобы она уронила нам кусочки, чтобы мы могли поесть? ». Его гнев сжимается, плечи опускаются, он машет мне рукой. «Лучше бы мы пали в битве как воины, сохранив свою гордость».

Озираясь по сторонам, я не вижу ничего, кроме согласия и покорного принятия на каждом из их лиц. Солдаты, когда-то гордые и сильные, сводились к этому. Аканьбай предложила им помощь, но благотворительности недостаточно. Они по-прежнему держатся за обрывки своей гордости, их личность привязана к тому, чтобы быть солдатом, воином, элитой. Сила - все для них, я могу помочь.

«Всё правильно, собраться и молчать». Мое решение принято, несмотря на приказания Аканьбай. Какой смысл придумывать удивительную технику исцеления, если я не могу ее разделить с кем-то? «То, что я собираюсь сказать вам, не может покинуть этот круг, хорошо?». Кивок от всех, я продолжаю. «Я не исцелен некоторым экспертом, я делаю это сам, и я могу научить вас этому».

С Булата звучит громкое фырканье. «Исцеление - нелегкая задача, а регенерация - сложная задача. Если ты действительно исцеляешь себя, то будь гением, но Старый Булат - это не тот тип». Несмотря на его слова, его надежда на искупление сильнее его цинизма, у остальных тоже не наблюдалось оптимизма на лицах.

Похлопывая его по лицу с улыбкой, я говорю: «Как бы я хотел, чтобы твои губы двигались, пока ты изо всех сил пытаешься читать, это не нужно». Пользуясь моментом, чтобы собрать мои мысли, я говорю тихо, надеясь, что Аканьбай не узнает об этом.

Даже если она и видит надежду в глазах этих солдат, это не стоит наказания.

Ну, может быть. Без разницы. Уже слишком поздно, чтобы остановиться.

Лучше просить прощения, чем просить разрешения.